

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Люди, умудренные опытом, знают, что судьба ничего не дает просто так, и счастливые минуты приходят лишь после многих испытаний и ошибок. Но люди юные и наивные, не знающие толком ни жизни, ни самих себя, порою искренне верят, что могут стать избранниками счастья только потому, что горячо его жаждут всей своей открытой душой.

«Неужели это сбывается в моей судьбе?.. — мысленно проговаривала Софья, сбегая по тропинке к пруду. — Неужели скоро я, дочь крепостной крестьянки, стану женой дворянина, получу его фамилию, уеду туда, где никто не попрекнет меня моим происхождением? Взаимная любовь, супружество, положение в обществе — разве не об этом я мечтала? Значит, я достойна своего счастья? А почему бы и нет?»

Она присела у обрывистого берега, наклонившись над зеркальной поверхностью пруда. Оттуда на нее смотрела юная девушка с нежным лицом в обрамлении волнистых каштановых волос, с большими темно-янтарными глазами, светившимися радостным торжеством.

«Что это я себя разглядываю, словно какая-нибудь Аленушка из сказки?» — усмехнулась Софья своему отражению, которое так же, как любое зеркало, убеждало девушку в ее внезапно расцветшей красоте. Она игриво провела веткой черемухи по гладкой поверхности воды и, взбежав

на пригорок, пошла среди деревьев старинного сада, переходящего в лес. Здесь была граница владений помещицы Домны Гавриловны Чепурной — родственницы и опекунши, в имении которой девушка жила с восьми лет.

Яркий летний день своими красками, звуками и запахами соответствовал приподнятому настроению Софьи. Начало июня 1812 года выдалось на редкость погожим, и девушку радовало все вокруг: свежесть листьев и трав, разноцветная россыпь полевых цветов, зеленеющая нива, щебетание птиц, порывы душистого ветерка, влекущего по чистой голубизне неба легкие парусники полупрозрачных облаков. Если и мелькали у девушки мысли о каких-то отдаленных ненастьях и грозах, она старалась их отгонять. В эти минуты Софья с юной наивностью верила, что впереди ее ждет прекрасный новый мир и в нем позабудутся те печали, которых немало было в ее семнадцатилетней жизни...

Она явилась на свет как внебрачное дитя богатого помещика Ивана Григорьевича Ниловского и его крепостной крестьянки, красавицы Мавры, рожденное, когда Ниловскому было уже далеко за сорок и он четыре года как вдовел. Его законные дети Людмила и Павел, так же, как родственники и соседи, осуждали Ивана Григорьевича, и он не смог переступить через их мнение и нарушить вековые обычаи, а потому не сделал Мавру своей женой. Но и крестьянкой или служанкой она не осталась, а жила в господском доме на положении экономки.

Так продолжалось несколько лет, а потом случилась беда: Мавру нашли зарезанной в саду у ручья. Убийцей оказался ее прежний жених, лихой цыганистый парень Яшка, который угодил на каторгу за год до того, как Мавра сошлась с барином. Наверное, он убил ее из ревности или из-за того, что Мавра отказалась покинуть Ивана Григо-

рьевича и уехать с ним. Ниловский сам, не прибегая к помощи полицейских приставов, организовал поимку убийцы и собственноручно застрелил его на краю своих владений.

После смерти Мавры Иван Григорьевич словно постарел сразу на много лет, и прежняя бодрость и здоровье к нему уже не вернулись. Ему стало тягостно постоянно жить в Ниловке — своем родовом гнезде недалеко от Москвы, и он чаще проводил время в разъездах. А еще он всерьез задумался о будущем маленькой Сони, которая в случае его смерти осталась бы беззащитной сиротой. Первым делом Иван Григорьевич оформил дочери вольную, — хотя фамилию свою не решил ей дать, записал девочку Софьей Ивановной Мавриной. Затем перевез дочь к своей двоюродной сестре Домне Чепурной, в ее имение Старые Липы под Харьковом. Домна Гавриловна, бездетная вдова, не отказалась позаботиться о воспитании Софьи — тем более что Иван Григорьевич не скупился на учителей для способной девочки. Сам он постоянно навещал имение своей кузины и лично занимался образованием дочери, привозил ей книги и журналы, рассказывал о дальних странах и больших городах, а когда она выросла, свозил ее в Москву и Петербург. Возможно, у него были свои планы на устройство ее судьбы, но осуществить их Иван Григорьевич не успел, потому что скоропостижно скончался, когда девочке едва исполнилось четырнадцать лет. Завещание его почему-то не было найдено, и, таким образом, Соне досталось лишь несколько подаренных отцом драгоценных вещиц и купленное на ее имя крохотное имение на берегу Донца, которым до совершеннолетия девочки должна была управлять ее опекунша. Основное же состояние Ниловского — земли, ассигнации, дома в Москве и Петербурге — достались его законным детям.

Впрочем, вопросы наследства не волновали юную Сою, горевавшую лишь о потере самого родного и близкого ей человека. Она тем острее чувствовала свое сиротство, чем чаще стала слышать шепотки у себя за спиной и ехидные намеки в глаза. Иван Григорьевич, перевозя дочку в имение кузины, надеялся, что здесь никто не узнает о тайне ее происхождения. Но слухи, словно юркие ядовитые змейки, переползли на новое место, и скоро мало для кого в округе происхождение Софьи оставалось секретом. Пока был жив Ниловский, об этом говорить не решались, но после его смерти у многих сплетников развязались языки. Софья не подавала виду, что ее задевают пренебрежительные выпады и намеки, но в душе глубоко страдала, — тем более что полученное благодаря отцу образование сделало ее чувствительной и гордой.

Между тем даже тетушка Домна Гавриловна, которая успела привязаться к девушке и по-своему ее полюбить, не упускала случая напомнить, что Софья должна знать свое место и не питать иллюзий, мечтая о высоком положении в обществе. Опекунша не раз намекала, что девушка из-за своего происхождения не может рассчитывать на брак со знатным дворянином, что для нее хорошей партией будет какой-нибудь состоятельный купец или мещанин, и весьма рассердилась, когда однажды юная Соня решительно отказала в сватовстве богатому купцу из Богодухова.

Сейчас, вспоминая этот эпизод, Софья улыбалась в предвкушении того, как объявит тетушке о предстоящей помолвке с Юрием Горецким. А в том, что такая помолвка состоится, у девушки не было сомнений: ведь третьего дня Юрий сделал ей предложение, и сегодня она обещала дать ему ответ. Софья сразу, с первой минуты, хотела ответить радостным согласием, но сдержалась, попросила небольшой отсрочки лишь для того, чтобы молодой человек по-

нял, что она не стремится воспользоваться его сердечным порывом, а предоставляет ему время еще раз все обдумать. Но сегодня, совсем скоро, она скажет «Да!», и вслед за тем он придет просить ее руки у Домны Гавриловны. Только бы не было препятствий со стороны его матери и дяди... но Юрий уверял, что не сомневается в их благосклонности.

Охваченная радостным волнением, девушка не шла, а скорее летела по просеке, разделяющей парк тетушкиного имения и лес соседского помещика Обрубова. Дальше начиналась дорога к приходской церкви, недалеко от которой у Софьи с Юрием было назначено свидание.

И вдруг совсем рядом из-за деревьев раздался тихий голос, заставивший девушку невольно вздрогнуть:

— Барышня, а барышня! Подите-ка сюда!

Оглянувшись, Софья встретила пристальный взгляд лесной отшельницы Акулины. Глаза этого странного создания сверкали из тени зарослей, словно два тревожных огонька.

— Что тебе надо? — насторожилась Софья.

— Хочу поблагодарить вас за вчерашнее. За то, что спасли меня от тех диких баб.

— В следующий раз будь осторожнее. А лучше тебе уйти подальше от Обрубовки, там люди темные, озлобленные, они тебя еще не раз могут обвинить в своих бедах.

Софья невольно нахмурилась, вспомнив неприятное происшествие. Вчера она бродила примерно по этим же местам, между лесом и прудом, когда вдруг услышала пронзительные женские вопли и проклятия. Девушка не удивилась, поскольку драки и скандалы были частым явлением в деревне нерадивого барина Обрубова, который годами не приезжал из столиц, сбросив все дела на управляющего — самодура и пьяницу, что привело к обнищанию и озлоблению его крестьян. Однако на этот раз причиной